

Михаил Пузырев

ИЗБРАННОЕ

Мих. Пузырев.

Михаил Пузырев

Избранное

Издательский дом «Сказочная дорога»

2015

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пузырев М. Д.

Избранное / М. Д. Пузырев — Издательский дом «Сказочная дорога», 2015

ISBN 978-5-4329-0073-9

В «Избранное» писателя, философа и публициста Михаила Дмитриевича Пузырева (26.10.1915-16.11.2009) вошли как издававшиеся, так и не публиковавшиеся ранее тексты. Первая часть сборника содержит произведение «И покотился колобок...», вторая состоит из публицистических сочинений, созданных на рубеже XX–XXI веков, а в третью включены философские, историко-философские и литературные труды. Творчество автора настолько целостно, что очень сложно разделить его по отдельным жанрам. Опыт его уникален. История его жизни — это история нашего Отечества в XX веке.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4329-0073-9

© Пузырев М. Д., 2015
© Издательский дом «Сказочная дорога», 2015

Содержание

Оглянитесь назад и обнажите голову	6
Михаил Пузырев	9
Часть I	10
Березы моей юности	10
Куда Макар телят не гонял	15
Мои университеты	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Дмитриевич Пузырев

Избранное

© Пузырев М.Д., 2015

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2015

*Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волнения,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?*

*Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.*

*Поверь: для них смешон твой плач и твой укор
Своим напевом заученным,
Как разряженный трагический актер,
Махающий мечом картонным...*

М. Лермонтов

Оглянитесь назад и обнажите голову

Живой образ этого неугомонного старца, так внешне похожего на Льва Толстого, остался в памяти всех, кто знал его.

Удивительный собеседник, прирожденный оратор, писатель, философ, он не мог не думать о людях, жизни, судьбе России.

И его судьба от судьбы этой неотделима. Он родился в начале XX века (26 октября 1915 года), ушел в начале XXI (16 ноября 2009 года).

Человек-эпоха. Человек, отразивший век. В его воспоминаниях, статьях вы найдете оценку всех значимых событий нашего окаянного времени.

Оглянитесь назад и обнажите голову! Это его завещание. Его боль. Оглянитесь на опустевшие деревни, на заросшие травой пожни. На заброшенные пашни, где шумят малеги¹. На его Пузыревский угор². Вам больно? Вам не может быть не больно.

Когда он приезжал на родину, то непременно поднимался на свой угор, к своим одиноким березам – березам своего детства.

И подолгу стоял здесь, у родного дома, разоренного бурями века.

Образы деревни Роженец (Вилегодский район Архангельской области) и одиноких берез навсегда вошли в его художественные и публицистические произведения, отразились в его рисунках.

Он был прирожденным художником. Жаль, что мало сохранилось его работ.

И сказать о крае Вилегодском лучше, чем сказал уроженец этого края Михаил Пузырев, вряд ли возможно, ибо был неотделим от его сердца высокий угор близ районного центра Ильинско-Подомского, где стоит его Роженец: «Быть на этом господствующем холме в любое время года – значит увидеть красоту неопишущую. Здесь надо молчать, вспоминать, молчать и плакать... Здесь началась моя родина, и это уже навсегда».

Молчать и плакать...

Поднимитесь. Помолчите и поплачьте.

Отсюда, с верхотуры, вся Русь видна. Отсюда покатился его колобок. Первая из его книг так и называется: «И покатился колобок». В ней он пишет: «1931 год прошел для меня в бесплодном бродяжничестве. Возобновить учебу невозможно. Сына кулака в школу не берут. Дом разорен властью... Жить негде. Все продано властью с торгов в уплату бесконечных налогов. Замужняя дочь берет больную мать к себе, а мы все разлетаемся по свету, кто куда...»

Так с вилегодского угора раскатились крестьянские «колобки» большой семьи Пузыревых по всей Руси, натянулись родственные нити – и порвались... А жизнь Михаила Дмитриевича серьезно осложнилась 14 декабря 1937 года, когда он был арестован и осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР. Реабилитирован в 1956 году.

19 лет «прожил в тюрьмах, лагерях и ссылках». Он, никогда не унывавший и в общем-то никого не осуждавший, неизменно шутил, что в ГУЛАГе живет всю жизнь.

«Зоны нет, а все равно ГУЛАГ, – говорил он. – После того как отбыл срок, приехал в Архангельск. Сделал великолепную карьеру: работал сменным мастером в большом цехе „Красной кузницы“, был диспетчером. Но в 1948-м меня выслали из Архангельска: я не имел права проживать там. Меня выслали на печорскую дорогу. Я мог устроиться на любую работу, но не смог выбрать ничего другого, как уйти снова в ГУЛАГ – строить Печорскую дорогу. Что такое „Печорстрой“? Это бывшие гулаговцы. Я опять к „родным“ ребятам пришел. Работал прорабом, мастером, инженером...»

¹ Низкорослый молодой лес. – Здесь и далее прим. ред.

² Возвышение, высокий, порой крутой холм.

После многих перепетий Михаил Дмитриевич осел в Котласе. Дом, где он жил многие годы, стоял на территории воинской части, и без оформления пропуска в гости к нему не придешь. Вас сначала встретит шлагбаум с охранником. Потом – глухие железные ворота и проходная с дежурной. ГУЛАГ.

Михаила Дмитриевича знали далеко за пределами Вилегодского и Котласского районов. Своими статьями, раздумьями об Отечестве нашем он будоражил людские души. Родившийся в России с умом и талантом, он не мог не задуматься над тем, что произошло с ним, с его крестьянской семьей и Россией.

Его книга «Мысли в смутное время» стала событием в культурной жизни. В апреле 2001 года она обсуждалась в Каргополе на семинаре по прозе и поэзии, и по результатам этого семинара М. Д. Пузырев был принят в Союз писателей России.

Вот лишь несколько из многочисленных отзывов: «Ваша книга перевернула всю мою жизнь. Я на все теперь смотрю другими глазами» (В. Игумнов). «Он – мудрец» (В. Ноговицын, поэт и журналист). «Все, что написано в книге, было на моих глазах...» (Я. Я. Баранов, ветеран войны)³.

«Возьмите в руки его книгу „Мысли в смутное время“, откройте ее – и, надеюсь, найдете там нечто большее, чем просто рассказ о жизни человека, пережившего и испытывавшего много, – уверяю вас, он станет и вашим искренним собеседником»⁴. Сам же Михаил Дмитриевич признавался, что никогда не чувствовал себя писателем, и называл свою книгу «незаконно рожденным дитём». Но его и его книги знают в Фонде Солженицына в Москве (с фондом он состоял в переписке).

Он тяжело пережил кончину А. И. Солженицына.

И не мог промолчать: «Его наследие, его наука жить не по лжи велики и значимы... А мы, народ, наши общественные институты и организации должны не жалеть усилий понять его провидение и его научения»⁵.

Добавлю, что и нам, живущим, не пожалеть бы сил понять такого «обычного провинциала» – М. Д. Пузырева (как сам себя иногда называл Михаил Дмитриевич). Он не мог пройти мимо любого, сколь либо значимого явления в общественной и политической жизни.

Да что большая политика! Обычный плакат на улице, например «Бери от жизни всё!», возмущал его. «Но если мы возьмём всё, что тогда от жизни останется? Это же стопроцентно разрушительный лозунг! Бог говорит нам: люби и радей, твори, благодари и восхищайся мирозданием. Здесь есть продолжение жизни. А там – конец!»⁶

А не из этих ли «мелочей» ткется картина нашей жизни?

За XX век, прожитый им, мы несколько раз становились ДРУГИМИ: он помнил еще ту деревню, с вековыми устоями, тот Роженец, где все были Пузыревы, – деревню родственников.

Он видел, как ее разрушили. Как надругались над храмами села Ильинско-Подомское, что лежит ниже Роженца. Он помнил, как раскулачивали и «сбивали» в колхозы.

Он видел, как в конце XX века эти самые колхозы перестали существовать. Как закрыли райком. Как возобновилась служба в Ильинском храме...

Как вновь вернулись мы...

А к чему, собственно? К рабам и господам? К богачам и беднякам? К рынку-базару? К тому, от чего так рьяно уходили? К капитализму!

³ Татьяна Славина. Ваши мысли в смутное время берегут нас от многих смут. «Коряжемский муниципальный вестник», 15 сентября 2001 г. № 62.

⁴ Татьяна Славина. День, прожитый в гармонии с собой и миром. «Коряжемский муниципальный вестник», 7 июля 2001 г., № 42.

⁵ Пузырев М. Д. 40 дней без Солженицына. «Двинская правда», № 172–173, 12 сентября 2008 г.

⁶ Татьяна Славина. Я жаден до людей и рад встрече с теми, кто способен понимать меня. «Коряжемский муниципальный вестник», 3 ноября 2001 г. № 76.

«А нас-то тогда за что?»

Жуткий вопрос. Во имя чего так много жертв?

Почти десять лет он хлопотал об открытии памятника строителям Печорской железной дороги. Сохранились его рисунки, чертежи. В лесу с охотниками был найден большой валун для памятника.

На обороте одного из чертежей памятника текст-призыв (приводим в сокращении):

«Город Котлас... услышь меня! Я твой сердитый друг, твой гражданин и доброхот... Я вновь напоминаю твоим людям о своей мечте – соорудить памятник строителям Печорской железной дороги. Отцы города и региона! Дайте полномочия и возможность реализовать эту акцию человеческой культуры. Граждане! Добрые люди! Помогите мне: словом, делом, советом, финансами. Ведь один в поле не воин. Помогите! И спасибо всем! 1.10.2003 г.»

Этот чертеж-листовку он распространял сам в редакциях газет, в администрациях городов и поселков, среди рядовых граждан.

23 августа 2005 года памятник был открыт в поселке Вычегодский муниципального образования «Котлас»⁷. А на привокзальной площади Котласа застыл на вечной стоянке паровоз.

М. Д. Пузырева нет с нами. Но загляните в его книги, брошюры, статьи. Они заставят вас оглянуться на его высокий угор, на березы его детства. На нашу Русь. Заставят прийти к памятнику строителям Печорской железной дороги и ударить в колокол, и зажечь свечу, и сказать слова, которых нет на памятнике, но Михаил Дмитриевич так хотел, чтобы они там были:

ТРУД ВАШ ГРОМАДЕН,
СТРАДАНИЯ БЕЗМЕРНЫ,
ЖЕРТВЫ НЕИСЧИСЛИМЫ...

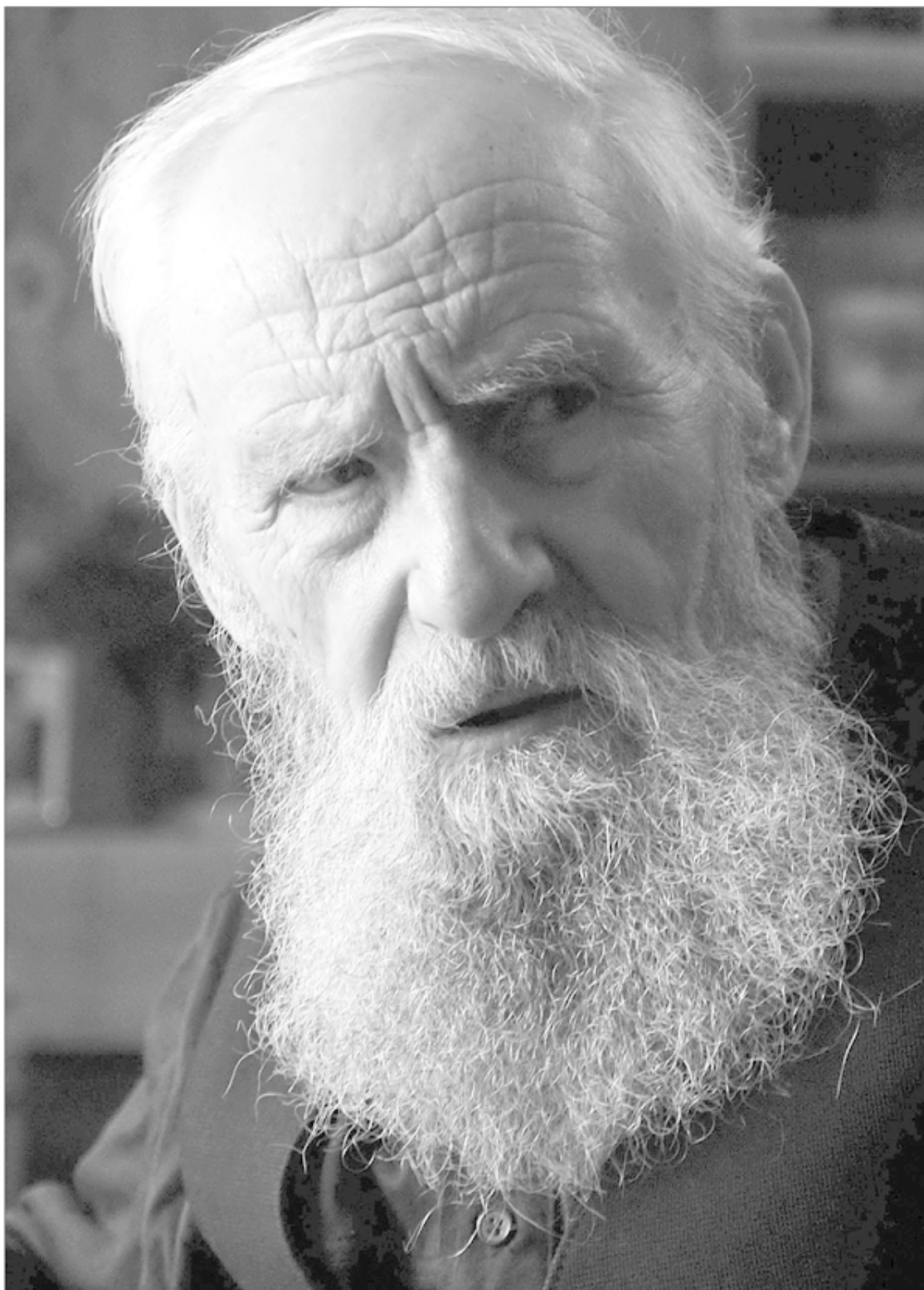
И прислушайтесь к словам его: «Я ни на что не жалею и ни о чем не жалею. Я прожил свою жизнь. В ней было много радости. Я хочу, чтобы молодые помнили... Человек, не знающий прошлое, не есть полноценный гражданин своей Родины...⁸»

Николай Редькин, член Союза писателей России

⁷ Павел Неспанов. Сбылась мечта Михаила Пузырева. В Вычегодском открыли памятник строителям Печорской железной дороги. «Двинская правда», 23 августа 2005 г., № 155.

⁸ Николай Редькин. Не зная прошлое, нельзя быть полноценным гражданином. «Коряжемский муниципальный вестник». 30 октября 2002 г.

Михаил Пузырев
Избранное

Мих. Пузырев.

Часть I И покати́лся ко́лобок...

Березы моей юности

*И на холме, средь желтой нивы
Чета белеющих берез.*

М. Лермонтов

Еще совсем недавно я жил с дерзким жизнелюбием и веселостью.

Но неуловимое время отсчитало в моем календаре 85 лет и зим. В 1995 году 13 июля скончалась моя жена – преданный и терпеливый друг. Я остался один. Холодом смерти опакнуло душу, и тональность жизни сменилась.

А ведь были березы детства, была большая семья, было тепло родного гнезда, друзья и любимые, были маленькие радости и большие беды. Так много всего было. Было и не исчезло, оно мое, и это – мое богатство.

Когда листаешь семейные альбомы, тебя охватывают воспоминания. Глубоко и порой по-новому переживаешь проявленное памятью сердца и со слезами сбивчиво шепчешь: «Благословляю все, что было: небо, землю, суму, посох, тропу и те маячные березы, которые родились в одно время со мной».

Милые, дорогие березы! С вами был я в долгой разлуке. Семнадцать лет вы ждали меня. Я счастлив встрече с вами. Ваша чистая нежная кора стала иной, да и я пришел к вам на свидание не прежним босоногим паренком.

Я люблю вас горестно, но нежно. Растите, цветите и, пережив меня, радуйте других!

Так я теплой белой ночью ласкался с моими березами, тихо поднявшись на гору своей деревеньки после семнадцатилетней разлуки, скитаний. Шел 1947 год. Мне было тогда 32 года.

Но детскость во мне – неистребимое качество даже теперь. Все было именно так.

Я просидел у берез до утра, до шумов наступающего деревенского дня, когда раздраженно кричат петухи, крестьянки громко разговаривают с выходящим на выпас скотом и на коровах звенят колокола.

Эти звуки я забыл, они пробивались сквозь иные наслоения памяти. Из двух берез у нашего дома теперь осталась одна, да и дом стал не нашим и не моим. Но мой диалог с одинокой березой повторяется всякий раз при редких наших встречах.

Я – блудный сын, скиталец, обнимаю ее, таясь, но не «как жену чужую», а как свою юность, чистую и невозвратную.

Я трогаю руками избу дома, в которой родился, и ослабевшими глазами ищу знакомый узор трещин и сучков в старых ее бревнах.

Будь благословенно далекое начало моего пути по жизни!

Зачем я пишу об этом? Кому и какая от этого польза? Моя биография довольно кучерявая, но рядовая и не уникальная. Как персона, я – полнейшая заурядность. Поднатужившись, я мог бы выдать два-три своевременных совета молодым, но они уже давно кем-то сказаны и не однажды.

Мысли, книги гениальных талантов и умов одновременно всегда были предметом для восхищения и глумления. Они сами по себе, жизнь людей – сама по себе. Цинизм невежества непоколебим.

Умным, хитрым и ловким я никогда не был. Был осторожно-трусливым. Страхoval себя страхом суда совести.

Всегда был на стороне слабых и униженных. Восторгаюсь талантливыми. Вот и весь я. Героизм – не мое качество. Отважиться на большую повесть мне невозможно.

Я пишу, не представляя, что кого-то еще кроме моих друзей может заинтересовать не расцвеченная вымыслом, реалистичная история нелегких переживаний совсем не экзотического плана.

Не то время, не тот читатель.

Задача – не наскучить и сказать коротко, как прошла такая долгая жизнь. Впереди одинокая старость. Пора и за ум взяться. «Отдохни, Михайло, уймись», – говорю я себе. Но... Все еще хочется быть, участвовать, смотреть и шуметь, даже вопреки рассудку.

Простите меня, люди, и за суетность тоже.

В Архангельской области два района, Вилегодский и Лальский (ныне отошедший к Кировской области), заметно отличаются живописностью ландшафта, своей холмистостью и пологими горами.

Долины рек Виледи и Лалы очень красивы. Всякий, проезжающий по дорогам Виледи, получит удовольствие от красоты истинной, первозданной.

Горы Беляева, Казакова, вид с Горбачихи, Берега, Зыковой Горы, Ершихи и Костихи⁹, спокойный вид окрестностей районного села Ильинского и мощный амфитеатр над ним деревень Плешивица, Кашина Гора и мой, неотделимый от моего сердца, самый высокий холм за больницей села, с моей деревней, моими ждущими меня березами – Роженец!

Быть на этом господствующем холме в любое время года – значит видеть красоту неописуемую. Здесь надо молчать, вспоминать, молчать и плакать.

Когда мне удастся приехать, приходить сюда, я молчу, вспоминаю свое босоное детство, сливаюсь с красотой и все люблю «до боли сердечной». Здесь начиналась моя Родина. И это уже навсегда. Здесь хочется говорить только высокими стихами, но того мне не надо. Поднимитесь на самый пик этого холма, к Собашниковым. Если у вас в руках хороший бинокль, то вы долго будете обозревать пространство в сто квадратных километров – от Пречисты до Павловска и Быкова, на котором причудливо разместилось больше шестидесяти старых, не процветающих деревенок в узоре неухоженных полей и красивейших лесов.

За долгую свою жизнь я бывал во многих краях необъятной нашей страны, но подобного этому места не встретил. Даже артезианская скважина сооружена именно на самом пике этого холма, что украшен маленькой березовой рощей, названной Чомой.

Все здесь мило и дорого моему сердцу.

Но как же мы безжалостны к природе, бестолковы в земледельческой экономике и беспощадны к Родине!

Когда мы опомнимся?

Не сбереженная, поруганная твоя краса, Родина, жалкая жизнь твоих терпеливых и доверчивых людей вызывает болезненную грусть и сочувствие. В урне скорби по твоей судьбе, Родина, есть и моя слеза.

...Появление на свет седьмого ребенка в крестьянской семье на юге Архангельской области 26 октября в 1915 году под созвездием Скорпиона было воспринято моими родителями нормально, а может, и восторженно. Это случилось утром, в день именин отца. Я был вторым в семье мальчиком при пяти сестрах. Наверняка свой приход в этот мир я объявил криком: вот я есть и извольте со мной считаться.

Мир не посчитался, и мне больше приходилось решать проблему, как выжить. И выжил я не благодаря, а вопреки. Понравился я чем-то мадам Фортуне, за что отвечаю ей взаимностью – жизнелюбием. Жизнь все-таки чудная, дорогая вещь, а мы очень небрежно к ней относимся.

⁹ Названия деревень Вилегодского района Архангельской области.

Качая колыбель своих многочисленных детей, мать пела нам разные песни, и в том числе страшную, о Гогах и Магогах, которые придут, разорят и уведут непослушных деток ее в страну далекую и не родную. Так и случилось.

Мать умерла в 1934 году в чужом доме, вспоминая и скорбя о всех нас, рассеянных по свету.

Это стало свершившимся пророчеством. Если до 1928 года наша семья жила по-крестьянски благополучно, то потом все изменилось. Тяжелая трудовая повинность для старших членов семьи, сестер и братьев, арест и пытки отца и матери в надежде изъять у них золотые вещи, которых не было, взыскание повторяющихся и все увеличивающихся налогов, отбор последнего пуда зерна, конфискация скота, построек, сельскохозяйственного инвентаря и машин, – все было пережито нашей семьей и моими великомучениками, мамой и отцом. И эта большая крестьянская семья к 1932 году рассеялась по свету, потеряв дом и друг друга.

Я последний из ее членов, кто унаследовал память о их муках и судьбах. Живу я долго, наверное, затем, чтобы понять, почему все так происходит и как. Я стараюсь понять законы человеческой морали и то, как исполняется социальное зло.

В ту пору (1915–1920 годы) мы, крестьянские дети, росли, как трава в поле. Свободные от родительской назидательности и ухода. Хорошо росли. На ладонях не оскверненной деревенской природы, в родстве с животными, домашними и не домашними.

К десяти годам мы знали несложные правила крестьянского быта, усваивали все зрительно, многое умели делать дома и в поле.

Дом наш был большой, в четыре избы, с большим скотным двором. Было гумно, овин, баня, амбары. Своя земля, свои сенокосы. Во всех хозяйственных, полевых и домашних работах дети участвовали охотно, без принуждения и с гордым чувством незаменимости.

Как хорошо пережить все это и сохранить в памяти!

Участвовать в сенокосных работах с ночевкой не дома, в лесу, стоять на стогу, заготавливать дрова, ездить на лошадке, запряженной в сани, ходить за плугом, пахать и боронить в поле, – все на полном серьезе, а иногда на пределе детских сил.

Все это я испытал, перечувствовал в раннем детстве, и не сожалею о том. Этот детский опыт помог мне выжить во взрослой жизни, в условиях очень тяжелых.

Мои старшие сестры учились грамоте в церковноприходской школе, благодаря чему я получил в пользование школьные учебники, по которым и приобщился к учению. Это были Закон Божий, Евангелие, молитвенники, книги по истории, математике и другим наукам.

Отец и дядя были грамотны на уровне крестьянского сословия. К тому же у дяди было много книг и журналов литературного содержания. Я рано научился читать и любил это занятие.

В школу пошел в 1923 году, учился с большой охотой и успешно. В пятый класс меня не приняли потому, что наша семья жила обеспеченно. Предпочтение в отборе имели дети бедняков. Но на следующий год я поступил учиться в школу другого района. Несмотря на мои успехи в учебе, весной меня оттуда изгнали как сына кулака.

Вернувшись домой, я работал в отцовском хозяйстве, помогая семье выплачивать все ужесточающиеся денежные и другие поборы государства. Летом – в поле, в лесу, на сенокосе, зимой – в обозе на своей лошади. Ездил из Ильинско-Подомского на станцию Луза. А это 85 километров. Порой было трудно, случались рискованные приключения.

Многим семьям зажиточных крестьян в то время было не легче, чем нашей, и никто никогда не высказывал им сочувствия.

Вспоминая их судьбы, их переживания, я спрашиваю себя: «Сколько же может человек претерпеть и безгласно и безвестно сойти в могилу?»

Лучшие крестьянские семьи лишали имущества, домов и высылали в районы, где осуществлялась директива ликвидации класса кулаков. Мало кто в те годы ужасался бесчеловеч-

ности этой директивы, а слово «ликвидация» можно было толковать по обстоятельствам «применительно к подлости».

Ограбленные семьи требовалось убрать с глаз комитетов бедноты и их комиссаров, чтобы они не омрачали их самочувствие. Не кололи им глаза. И в этом смысл этапирования и высылки.

Количественного учета никто не требовал. Цель была одна: ликвидировать до нуля.

Поражает жестокость надуманной классовой борьбы, ее бессмысленность, отсутствие хоть какого-то результата, выгоды.

Ликвидировав, ограбив и разгромив предпринимателей и ремесленников времени НЭПа, государство набросилось на лучших из земледельцев. Покончив с кулачеством, оно повторило в третий раз террор против церкви. Возмужавшая, натренированная карательная машина уже не могла остановиться.

Она находила предлоги, одновременно карая за космополитизм и национализм, идеологические вольности и политическую пассивность. Разгромив церковь и ее моральные нормы, пролетарии-большевики уже не имели препятствий для управления народами на основании целесообразности, а не законов.

Начавшись в 1917 году, оргии насилия так и не могли остановиться до 1954 года.

Да и во все последующее время мы жили как на вулкане, который вот-вот проснетя, и лава насилия потечет на народы с новой слепой силой...

Всю долгую жизнь я ношу боль вины перед отцом за свое поведение в те годы. Все несчастья семьи, мое изгнание из школ я порой объяснял неправильным направлением жизни отца. Какая это была несправедливость, и как он страдал от этого!

Не редкость, когда в пятнадцать лет мы видим ошибки и заблуждения родителей там, где их нет вовсе, и требуется прожить еще 15–20 лет, чтобы понять это.

Так студенты первого курса института с большой уверенностью отвечают на «пятерку» по истории или социологии, не подозревая, что автор учебника, старый академик, давно так не думает.

По словам моего покойного отца, наш род на территории Ильинского церковного прихода начался от Миши Нюбского, который появился в здешнем краю после пожара в деревянном храме (XVIII век) в связи с возведением нового в кирпичном исполнении. Миша Нюбский был, вероятно, не архитектором, а опытным храмостроителем. Это мой прапрадед.

Великолепный тот храм Ильи Пророка я посещал часто до одиннадцати лет. То была церковь шатрового типа, в двух уровнях приходов и служб, с богатым набором звонов, с богатой внутренней отделкой и фресковой росписью плафонов верхнего этажа.

Все это великолепие было опоганено, осквернено и разрушено по воле людей, невероятным образом получивших власть и неудержимо расплодившихся.

Разрушили ее в тридцатые годы, после моего бегства с родины.

Меня удивлял факт, что прошло всего шестьдесят лет, но никто не мог сказать, куда исчезли колокола церкви, в которых было 10–15 тонн металла. Нет поблизости литейного производства, не было в то время машин и дорог, по которым бы можно было увезти колокол весом 316 пудов 19 фунтов (так было написано на его окружности). Вес другого колокола – 200 пудов. Были живые очевидцы этого события, но найти и указать, где колокола, никто не попытался или не захотел. Вот вам наша пещерная дикость. Бог отнял разум, значит, он есть. При этом мы каждый день смотрим фильмы про мудрых сыщиков, которые по пыли на брюках находят убийц. Чудна жизнь и непонятна.

Была в селе и другая церковь, Афанасия и Кирилла, построенная в начале нашего века. Иной храмовой архитектуры. Это был величественный куб на полуколоннах с тяжелыми пятью куполами синего цвета, с выделяющимся конусно-шатровым столбом колокольни и сводчатым

просторным парадным входом. Высокие своды потолка, огромные пространства зала покоряли величием.

Ее я также посещал до 11 лет и был свидетелем ее разрушения в 1926 году.

Обе церкви и наши школьные здания (сохранившиеся до сих пор) располагались рядом. Церковные дворы оттаивали от снега всегда раньше других мест, были чисты, в ограде, и мы веснами использовали их для игр.

Нам интересно было лазать по церковному чердаку в звонную Пасхальную неделю, когда разрешалось звонить всем, и нас не прогоняли.

Сам священник, отец Николай, высокий красавец, поднимался на колокольню, чтобы исполнить колокольную музыку.

Мы по двое, кряхтя и усердствуя, раскачивали за веревки язык большого колокола, который висел в центре площадки звонницы, и ежились от первого звука, стоя под его юбкой. Мы рождали музыку космического свойства, вряд ли сознавая происходящее. Но мы волновались по-особенному – это бесспорно.

В звоннице колокольни, в ее восьми окнах-проемах висело не менее двенадцати колоколов разной величины, и каждый со своим голосом. Как нет одинаковых голосов у людей, так и все колокола различны, но искусство музыкантов организовало их голоса в ансамбль, созвучие, создало мелодии.

Таким музыкантом-звонарем в то время был у нас мрачный, малообщительный одинокий мужчина по имени Фирс.

Мы, дети, его боялись, а он нас «не замечал». Его звоны я оценил много лет спустя, а вот забыть не могу семьдесят лет.

Особенно запомнился звон панихидного обряда, вынос тела усопшего из храма, его погребение.

Фирс, мрачный Фирс умел, управляя колоколами, выразить и скорбь, и уважение к человеку и жизни.

Прошло 65 лет с той поры. Ничего не забылось. Теперь, когда я слышу по радио хор, поющий «Вечерний звон» или «Малиновый звон», я цепенею в сентиментальной расслабленности и уношусь в далекое детство.

Я учился в одном классе с сыном отца Николая, частенько бывал в их спартанской бедной семье и уже тогда не мог поверить мистеру Ленину, что религия – яд.

И теперь у меня нет ответа, верующий я или атеист. Мой Бог, моя вера отличаются от официально провозглашенного Бога, но это не повод сожалеть о том, что я ходил в церковь, молился, знакомился с учением церкви. Что было, то было. И не прошло. Что-то осталось. И немалое.

Ходить в школу для меня было радостно и приятно. Учился я легко и жадно благодаря впечатлительности натуры, а не ума. К учителям относился с любовью.

На всю жизнь благодарен за знакомство с музыкой, нотной грамотой, пением Александру Александровичу Малевичу.

С большим волнением я посетил свою первую школу после двадцати лет разлуки с родными краями. Она деревянная, двухэтажная, ей больше 100 лет, но она по-прежнему хороша и опрятна. Так строили предки, организованные земством. То свидание с ней было летом 1952 г. Я ходил по классам и коридорам в мягкой тишине безлюдья, предавшись воспоминаниям.

Из воспоминаний детских лет выделяются торговые ярмарки. Помню их колорит, обилие предметов торга, кукольные балаганы, карусели, скопление и веселую суету людей, встречи с гостями, подарки и лакомства. Новогодних елок в школах не проводилось, но церковные праздники – Рождество, Масленицу, Пасху – деревенский люд отмечал вопреки противодействию властей. Всему запрет наступил в 1930 году, кое-где в 1929 году.

Куда Макар телят не гонял

В 14 лет я вынужден был решать свою судьбу. Я решительно не принял долю крестьянина-раба, отверг любое иное идеологическое рабство. Я желал вступить в общество образованных людей свободным человеком.

Тут даже не было выбора. Были протест, бунт, несогласие. И все при полной безвыходности, отсутствии опыта и знания жизни. Да и кому в то черное время могли помочь опыт, знания и благородство? Наоборот: зазеркалье, абсурдные поступки, торжество невежества и жестокости. Удушливое было время. За ним последовал триумф костоломов и живодееров (1936–1938 годы).

Кто ничего не понял, тому не страшно, а понять непросто. А кто и понял в полном объеме и значении, что имеет? Судьба Александра Исаевича Солженицына и ему подобных – предостережение.

Хамство всегда беспощадно, и в том его сила. Большое социальное зло зарождается в одном экземпляре, в одной голове, как идея. Чтобы ее реализовать, необходимо народ превратить в толпу, освободив каждого от личной ответственности за свои поступки, и тогда толпа за эту эфемерную свободу оплатит послушанием и своими руками выполнит все, что от нее потребуют. Надо только льстить ей, повторяя в превосходной степени заклинания о мудрости народной, святости мечты народной, непорочности ее помыслов, все называть волей коллектива, волей масс. Все это совсем несложно. Ну а уж кто не пожелает быть в толпе, его воля! Свое и он получит. Аминь!

1928-й и последующие годы жизни крестьянского сословия – время ломки устоев и отношений. Накормив городское население дешевыми продуктами в годы НЭПа, крестьяне попали под пресс радикальных реформ, проводимых по указанию партии командами отъезжего пролетариата с ленинским правом на диктатуру. Начались коллективизация, подавление так называемого саботажа, ликвидация кулачества как класса и марши к светлому будущему.

Перед этим товарищи провели новое административно-территориальное деление регионов, назвав это районированием страны. Вероятно, в этом изменении структуры государства была объективная необходимость. В результате нового размежевания между Вологодской, Архангельской, Северодвинской и Вятской губерниями возникли Вологодская, Вятская области, Северный край с автономной областью Коми в его составе. Эта структура сохранялась до 1936 года – до создания новой сталинской Конституции, по которой область Коми стала Республикой, а Северный край – Архангельской областью.

Нельзя не сказать коротко, как внедрялся социализм в деревне. В моей оценке это самое безобразное по жестокости, бессмысленности из того, что инициировали и провели большевики. Неужели все это нужно было проделать только потому, что в далекой от нас стране немецкий еврей сочинил теорию о классах? Интересно, куда он себя причислял?

О социализме в деревне пишут и спорят много, и порой не замечают, что крестьянина-то в деревне нет. Он истреблен научно как непрогрессивный класс.

Мало осталось людей, помнящих события 1928–1933 годов, но любопытные могут найти и прочитать о них. Вот маленький этюд из того времени.

На Руси часто поговаривают: «Попадешь ты туда, куда Макар телят не гонял». Тот фольклорный Макар, может, и не гонял, а мне довелось гонять телят именно на Макариху¹⁰, которая нередко упоминается в исторических и биографических печатных произведениях.

Было это в 1930–1931 годах. Город требовал от деревни продуктов питания, и в том числе мяса. Деревня выделяла коров, телят, лошадей. Их транспортировали из Котласа в Архан-

¹⁰ В 1930-е годы – окраина города Котласа.

гельск на баржах в живом виде, а до Котласа гнали гурт 100–150 км. Для этого выделялся или нанимался народ. Я бывал именно таким пастушком-погонялой. В числе погонщиков обязательно были женщины для дойки коров в пути. Гурт шел со скоростью 30 километров в сутки. Погрузка скота на баржи производилась в районе Лимендской лесобазы (Головка, Угольный), иногда с задержкой на несколько дней, и мы пасли скот в пойме рек Вычегды и Лименды.

Вот в это время я и познакомился с лагерем или с этапным пунктом «раскулаченных крестьян» с семьями, маленькими детьми, ожидавшими продвижения по своему трагическому маршруту. Это была Макариха. Был октябрь месяц.

Этот этапиремый народ жил на нарах под навесами, в стенах, им же изготовленных из срубленных мелких деревьев, лучше сказать, из жердей и кольев, скрепленных вицами. Крупного сруба они не могли осилить. Не было у них и кровельного материала. Холод и голод делали свою работу, выкашивая синюшных деток и не щадя стариков и остальных. Охрана у них была минимальная: комендатура и распорядитель. Да и кто пойдет в бега от своих детей? Куда?

Уразумей, читатель, коварство и цинизм этих дел. Хорошо эту безропотность объяснил А. И. Солженицын в первой книге «Архипелага ГУЛАГ», во второй части. Не поленитесь, у вас есть еще возможность прочитать это великое исследование-откровение.

Любопытство и сочувствие приводило нас к их убогим жилищам. Мы приносили им молоко, которое имели от стада в избытке и порой сливали на землю.

Вид и судьба этих людей меня сделали больным. Я страдал ночными кошмарами, и мать приглашала знахарок, чтобы заговорами избавить от этого недуга.

Слово «Макариха» для меня – как удар плети по спине. И не для меня одного.

Котлас, Макариха, Мостозавод, Межог, Княж-Погост часто упоминаются в печатном повествовании и устном.

В шестидесятые годы, проживая в Ставрополе на Северном Кавказе, я то и дело встречал людей, знавших эти места только в связи со «сплошной коллективизацией» и ликвидацией

кулачества как класса. Макариха для этого якобы вредного класса стала зловещим символом гибели. И не только для него.

Теперь она приняла благостный вид зеленой сосновой рощи на старом кладбище. Не всегда было так.

В 1930-х годах она помнится мне в грязи, с жилищами, мало пригодными для жилья, и какими-то непонятными раскопами желтых песков. Кому и зачем нужны были эти раскопы? На могилы они не похожи. Да, так прятались «концы в воду».

О Макарихе знают далеко в Европе и даже дальше. В 1995 году по инициативе польской общественности и католической церкви была проведена акция поминовения умерших польских граждан, установлены знак Веры и мемориальные доски.

На панихиду пришло много людей. Я стоял на этой панихиде, вспоминая, что видел и знал. Вспомнил Войно-Ясенецкого, ученого-хирурга и в одном лице Архиепископа Ташкентского Луку. Он был узником Макарихи и чудом уцелел, чтобы служить людям своими знаниями и верой в Бога.

А сколько добрых талантов приняла земля Макарихи? Разве мы знаем? Не знаем! А кто-то осознанно не хочет знать и упоминать.

Думаю, следует отметить, что многие авторитеты в медицинской практике благополучно отбывали и переживали сроки приговоров и по два раза, потому что они нужны были администрации, высокому начальству НКВД. Не все «энкаведешники» могли пользоваться услугами 4-го управления Минздрава из-за отдаленности, а иметь семейного врача-зэка было удобно и дешево. Таких врачей я встречал не раз.

Мои университеты

В нашем большом доме всегда жили какие-то чужие люди. Служащие районных учреждений, медицинские работники, а также ссыльные, поднадзорные люди, очень разные, но всегда интересные для меня своей необычностью. От них и возле них я многое узнал и многому научился. Даже теперь я с восторгом вспоминаю промысел судьбы, сблизившей меня с ними. О них можно писать хорошую литературу, а уж забыть – невозможно.

То было для меня время познания, вхождения в жизнь, в искусство. Вхождение через разные стежки-дорожки, при очень разных учителях.

Из довольно разнообразной и многочисленной колонии ссыльных людей, проживавших в деревне, выделю некоторых, чьим опытом жизни, знаниями и умением я воспользовался.

Григорий Владимирович Сапожников. Москвич. Имел университетское образование, хорошо знал английский и немецкий языки. Англоман, меценат, искусствовед, из купеческого рода, в прошлом – владелец коврового производства, поставщик православного патриархата. Долго жил в Англии, пилигрим, много путешествовал. Он племянник К. С. Алексеева-Станиславского.

Мне пришлось бывать в их московской коммуналке на Новобасманной ул., в доме 16, говорить с его женой и дочерьми и с К. С. Станиславским. Он очень хотел знать, как живет его друг Грише в ссылке.

Григорий Владимирович прожил у нас два года. Он преподавал английский язык в 7-летней сельской школе. Это от него я научился лопотать по-английски и получил много других сведений по истории культуры, этнографии, театральному искусству.

Особенно ценными были его отзывы о книгах, которые я читал, а осмыслил их много позже.

Ссыльный из Смоленска Василий Афанасьевич Мельников был музыкантом оркестра народных инструментов и танцором. Он научил меня профессионально играть на балалайке. Я узнал много музыкальных, инструментально-танцевальных и песенных мелодий.

Михаил Гранский, «светский плут», Борох Лейба, жокей ипподрома. Механики, часовые мастера, сотрудники музеев, деятели искусств, работники архивов; картежные шулеры, маклеры бильярдных и лото-салонов, воры, фармазонщики, гадальщики, фокусники, артисты, карманники, домушники и майданщики, бродяги и церковные служители – все делились с нами своими профессиональными знаниями. Я много общался с ними. Они были интересны, романтичны и часто симпатичны.

Шпана того периода была, безусловно, сословием, жившим по своим этическим и бытовым нормам. Местное население она никогда не обижала.

Моя биография и послужной список (вся жизнь в ГУЛАГе) предоставили мне возможность проследить эволюцию этого сословия во времени и качестве. Это очень интересный, занимательный и серьезный процесс.

Теперь историки-социологи на этом примере могут утверждать: нет ничего, что не может быть разрушено с помощью идеи интернационального и социального братства пролетариев.

Шпаны, как сословия, уже нет. Есть другое – коммунистическая общность. О ней судите-рядите сами.

Разгром предприятий времен НЭПа, санитарная криминальная чистка городов юга и центра страны заканчивались большими высылками людей в северные районы. Таким методом целомудренное и наивное население потомственных северян приобщалось к иной морали, иной цивилизации и гибридизировалось с криминальным поведением.

И до сих пор органы правопорядка продолжают избавляться от нарушителей законов, пересылая их из одних областей в другие.

Вот это и есть коммунистическая общность в действии. О вреде таких отношений никому не позволено говорить, а пора...

1931 год прошел для меня в бестолковом бродяжничестве. Возобновить учебу было невозможно. Дом разорен властью. Неминуема высылка семьи на Печору.

Этот маршрут был уже освоен. Комитеты бедноты с нерусскими комиссарами указывали, кого брать на высылку. И мужиков брали. Кое-кто сбегал тайно, бросив дом и скот.

В нашей семье остались четверо. Отец, мама, я и младший брат. Жить негде. Все продано властью с торгов в уплату бесконечных налогов. Моя сестра Фаина, бывшая замужем, взяла больную мать к себе. А мы все разлетелись по свету, кто куда. У меня был большой навык ездить «зайцем», и я оказался в Сибири, в Новосибирске.

1932 год. Лозунги и призывы к индустриализации страны. Шум вокруг новых промышленных предприятий, голод и обилие работы за продуктовую карточку, а не за зарплату. Платили удивительно мало.

Очень сильная миграция людей из Европейской России на Восток. Гонимые голодом, люди бежали в Сибирь. А там не было для них жилья. Выход нашелся. Как встревоженные степные суслики, люди рыли норы и уходили в землю. Эти колодцы-дома имели свои номера, названия улиц, кварталов.

Адрес выглядел так: город Новосибирск, соцгород № 3, улица, дом, жилец. Представьте, каковы в этих землянках были условия, если в Сибири грунты промерзают на полтора метра, а обычная температура зимой – минус 30 градусов.

Благодаря героическому труду были созданы дороги, шахты, заводы и рудники, а потом и новые города.

И я объявился в числе тех строителей индустрии, но, желая порвать со своим «кулацким» прошлым, придумал себе другое имя, отчество и фамилию. Это впоследствии не раз осложняло мне жизнь.

Работу на строительстве города Новосибирска мне удалось через полгода сменить на учебу в профессиональной школе крупного машиностроительного завода в левобережной

части города, Кривошеково. Я имел жилье в общежитии, скудный постоянный паек, коммунальные услуги – все, о чем я только мог мечтать в то время.

Этот период моего взросления не был легким и комфортным. Постоянное ощущение голода, скудная одежда, отсутствие опыта и дозора близкого человека осложняли мою жизнь. Но я рад был тому, что имел. Мне нельзя было забывать, что я человек низшего социального качества. Не мог я расслабляться и в учебе. Все сверстники имели семилетнее и восьмилетнее образование, у меня 4-классное, но я был упрям и зол в учебе.

Есть основания отметить различие психики юношей моей молодости, заряженных на преодоление, обретение места в жизни, готовых терпеть и работать, и молодежи нынешней, ориентированной на потребление, постоянный отдых, расслабленность, кислый скепсис и гипертрофированный эгоцентризм.

С такого состояния начинается неотвратимая утрата радости жизни. И другого быть не может. Не опоздать бы это усвоить. Дебильный кайф вряд ли есть прогресс. Не уставшему и отдых не удовольствие, а маята. Педагог Жан Руссо говорил: «Если вы хотите сделать человека несчастным, дайте ему в детстве все».

Вспоминается многое. Наш рукописный журнал в училище, выходивший не раз в году. Наша увлеченность танцевальными вечерами, переполненным катком, увлеченность авиацией, спортом, наукой, профессией.

Сейчас молодежь стремится отдыхать, еще не устав. Мы об отдыхе не думали. Было некогда и голодно. Четыре года, прожитые в Сибири, не были жизнью размеренной, спокойной. Был задан такой революционно-авантюрный ритм жизни, в котором все должны были выложиться полностью. И еще больше за счет своего здоровья, обнищания и потогонной системы. Девизом всей жизни стало: «Даешь!». О цене не говорили. Даешь Турксиб, даешь Кузбас, даешь Магнитку, даешь хлеб, даешь... Возьмите подшивку любой газеты времен первых пятилеток, там все об этом.

И энтузиазм был непритворным, а стадно-овечьим. Горе тому, кто в это время засомневался и стал размышлять. Такого человека я встретил в 1934 году, а в 1938 году его расстреляли, разрешив прожить всего 27 лет. Это был поэт – Павел Николаевич Васильев.

Россия, русский народ с давних времен рождает немало хороших и гениальных поэтов, но их талант, как правило, причина их лишений, а порой и гибели.

Еще одного певца жизни я встретил в неволе, в лагере, за частоколом. Двадцатилетний, божественно красивый, музыкальный, сентиментальный и добрый Костя Ковалев писал свои лирические стихи, чтобы прочесть их двум друзьям и затем уничтожить. Хотя и говорят, что «рукописи не горят», но они все-таки горят, сгорают вместе с их создателями.

Печальный пример судьбы талантов: я, одинокий старик, неведомо зачем вспоминаю о них в горьком одиночестве, когда они уже в полном забвении. А ведь были и другие поэты. Были.

... Не хочу, не приемлю мир людей, которому не нужны поэзия и поэты. Не хочу. Возражаю.

Это – начало конца жизни.

Сожалею, что у меня нет склонности и способности к литературному труду, чтобы громко и внятно протестовать и призывать к уважительному и бережливому отношению между людьми.

Павла Васильева я встретил в одной милой семье российских немцев в Новосибирске. Мама и две взрослые дочери по фамилии Кляйн жили бедно, но радушно принимали наши ухаживания: мои – за младшей Тоней, а Павла – за старшей Эльзой. Я был совсем не светским, а необкатанным деревенским парнем, стеснявшимся своего костюма, который не всегда был моим.

Мы с Тоней любили бегать на танцы и работали в одном цехе на заводе. Те танцевальные вечера совсем не похожи на современные дискотеки. Они были много интересней и требовали немалого умения. Кроме того, они проходили под живую музыку духового оркестра или баянов. Ах, молодость, звезда падучая! За один миг тех сердечных волнений отдам бесполезную старость. Махнем?!

...Нет желающих.

«Берегите молодость, ребяташки», – поется в одной песне блатного, криминального мира.

Берегите. Она так ничтожно коротка.

В Новосибирске я прожил с 1932-го до конца 1935 года, и в какой-то мере переродился из крестьянского парня в человека иного качества.

Техническое училище, его общежитие, уклад жизни огромного, бурлящего событиями города, его вид, моя впечатлительная натура, вакуумное состояние ума, заводской труд, никем не управляемое плавание среди непознанных мной людей, плавание одиночное, трудное, в беспощадной бедности – все это меня закалило, подготовило «держать удар судьбы».

* * *

На трудный вопрос: «Что есть счастье?» – допустимо ответить: «Родиться талантливым или хотя бы способным понимать, отзываться на ритмику, лирику и звуки поэзии и музыки». Думаю, природа обделила меня талантом, но чувствовать позволила. Без этого душевного отклика я забыл бы и Павла Васильева, его переживания, гибель и многое другое.

Поздней осенью 1935 года я покинул город Новосибирск. Неустроенность личной жизни, полуголодное нищенское состояние, муза странствий и юношеский авантюризм увлекли меня на другой край огромной страны, к Черному морю, в город Николаев.

Такое путешествие я смог совершить благодаря бесплатному проездному билету как работник железнодорожного транспорта.

В Сибирь из Архангельской области я приехал по северному маршруту через Пермь, Свердловск, Тюмень. Теперь же я ехал на Украину по Южно-Уральскому маршруту через Петропавловск, Златоуст, Пензу, Харьков.

Лежа на полке вагона, я часто отвлекался от скучной, большой книги Генриха Манна «Верноподданный», вспоминал пережитые юношеские волнения сердца, влюбленности, товарищей – все, что уже навсегда осталось позади. Будущее не страшило. Была отвага неопытного глупца.

В солнечное раннее утро поздней осени, когда пассажиры еще только просыпаются, поезд тихо остановился перед Сызранским мостом через Волгу. Какого русича не волнует эта река?

В это время неожиданно и внезапно в тихом, сонном вагоне зазвучала гитара, и великолепно поставленный красивый баритон подарил нам:

Не пробуждай воспоминаний
Минувших дней, минувших дней,
Не воскресить былых желаний
В душе измученной моей.

Этот простенький романс очень хорошо и благородно, без надрыва пел слепой нищенствующий певец под гитару товарища.

Прошло шестьдесят лет, а звуки той музыки звучат и звучат во мне, пробуждая воспоминания. С того дня я, по возможности, старался учиться петь.

Вокальная музыка наиболее сильно властвует над моими чувствами. Думаю, это хорошо. За ней следует поэзия, стихи. Мне трудно объяснить понятно ее ценность, это вряд ли возможно, но поэзия – это огромно... И без нее жизнь одноцветна и никчемна. В очень тяжелые часы жизни я находил в ней не только успокоение, восхищение, но и короткие ответы на вопросы жизни, о которых прозаические, не экзальтированные умники исписали тонны бумаги.

Может, поэзии, стихам я обязан долгожитием, но сам никогда не отважился зарифмовать ни одной мысли. Знал стихов и поэм много, любил их декламировать перед слушателями. Скудеющий, старческий мозг скоро все растеряет, о чем горько сожалею.

Спасибо тебе, Муза странствий. Ты показала мне, как велика моя страна, как много мы страдаем от неустроенности жизни и человеческих отношений по вине управителей жизнью, странно захвативших власть, как бы в награду за свое невежество и жестокость.

На шестой день путешествия с востока на запад я прибыл на земли Таврии, о которой известный поэт пел:

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора¹¹.

Ничего подобного я не встретил. Я видел ту же роскошную, но не оплодотворенную людским созидательным трудом природу, оскверненную своим сиротством и бесхозностью.

Эти земли и ее население пережили годы сплошной коллективизации (1930–1933), искусственный голод 1932–1934 годов, и люди тут выглядели тяжелобольными, испуганными, готовыми быть рабами за кусок хлеба, ими же возвращенного.

Николаев, Херсон, Снегиревка – большие города – выглядели смиренными, испуганными пережитыми событиями. Настроение у людей было как в доме после похорон.

Пустующие беленькие хаты в селах и хуторах, с заросшими бурьяном дворами, одичавшие и бесплодные сады – все это я, нищий и голодный, видел и переживал вместе с приютившим меня народом.

Жил я в большом, изрядно обездоленном красивом селе Благовещенье на берегу Бугского лимана. Любил часами сидеть на берегу. Наблюдать рыбацкие шаланды с разноцветными чинеными парусами. Рыбаки добывали свой нелегкий хлеб.

В тот год я был по-настоящему одинок, работал токарем на машинотракторной станции (МТС) и жил впроголодь, как все. Дорога из села в Николаев проходила по большому старому фруктовому саду. Сад был так запущен, что мне ни разу не удалось найти ни одного яблока, хотя бы упавшего на землю. Сад был бесплодным.

Подобный разор сёл юга я наблюдал и в станицах Северного Кавказа. На Ставрополье есть село Киевка. Жил-был я там в 1960 году. На вопрос: почему добротное школьное здание одиноко стоит в степи за два километра, жители отвечали: «Школа стояла в центре села. Но село стало маленьким после коллективизации и расказачивания земледельцев в тридцатых годах».

¹¹ Т. Г. Шевченко.

* * *

В зиму 1935—36 годов я прошел допризывную армейскую подготовку на сборах. Следующий год для меня был призывным. Опять предстояла перемена места жительства. И опять я это переживал не беззаботно и легко, но бодро и стойко.

Какой была тогда молодежь призывного возраста?

В тридцатые годы идеологическая и политическая пропаганда усиленно и успешно прививала патриотические чувства, нас убеждали во враждебном противоборстве мировых политических систем, говорили о возможных военных конфликтах мирового значения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.